

Егор ИСАЕВ,
лауреат Ленинской премии

Человеком богата земля

1981 год — вершинный. И прежде всего потому, что он был годом XXVI съезда нашей партии — событиями воистину мирового обзора, мирового эха, мирового значения.

Календарно, да, оно, это событие, уже позади, в отошедшем кольце времени, а вот по глубинной сути своей, по световой мощи и масштабу своих решений это великое событие все впереди. Впереди на каждый наш рабочий день, на каждую нашу рабочую неделю, на каждый месяц, квартал, год и на всю новую — единственную — пятилетку, а в перспективе, если судить по общим программным разработкам, еще и дальше — считай, до самого начала XXI столетия. Впереди — на каждую отрасль народного хозяйства, впереди — на все сферы науки нашей и культуры, на каждую республику и на весь наш великий Советский Союз.

В международных делах партия, как и прежде, подтвердила курс на разрядку. Программа мира — вот ее стратегическая первозадача в объеме всего земного шара, уже самоубийственно перенасыщенного ракетно-ядерным и прочим всеобъемлющим, глобальным огнем. Пригасить, сократить этот чудовищный огонь, отодвинуть катастрофу, спасти всю живую жизнь на Земле — вот забота партии. Забота самая неотложная, самая насущная. А забота партии — забота всего народа, забота всех советских людей без исключения, особенно нас — работников социалистической культуры.

Программа мира — это программа нашего гражданско-творческого долга, мировоззренческая суть нашей гуманистической природы, даже, я бы сказал, нерв нашей мучительно благородной профессии. Ведь кому, как не нам, советским писателям, работникам всего социалистического искусства, кровью 20 миллионов павших завещано неотступно быть рыцарями этой неостывшей еще, незарубцевавшейся темы — темы войны и мира на земле. Право на эту память, право на эту тему мы выстрадали всем народом, всем искусством своим выстрадали. Даже не как тему выстрадали, а как живую биографию каждого и всех. Вот за это мы и стоим на миру. Всем народом стоим, всей своей гневной и милосердной культурой. Стоим и стоять будем!

Вторым важнейшим направлением коллективной мысли и воли партии на съезде было направление внутрихозяйственной деятельности. Речь шла, если говорить образно, о повсеместном углублении гектара. Надо наращивать не столько широту и размах, сколько глубину и мощь полезной отдачи гектара, не только полевого, хлебного, но и всего хозяйственно-экономического.

Речь на съезде серьезно шла и об идеологическом, творческом, о нашем, погранично-писательском, о нашем погонно-кинематографическом гектаре... Ему тоже не противопоставлены мощь и глубина творческой отдачи.

А широты у нас хватает, даже слишком хватает. Особенно в журнальном и кни-

гоиздательском деле, начиная с того хотя бы, сколько и как мы рубим лес для производства бумаги. Даже слишком широко, по-моему, рубим. От этой безоглядно размахистой широты уже криком кричат великие гектары русского леса. Уж ладно бы рубили для таких книг, как «Русский лес» Леонова, а то ведь зачастую в мелкий книжный кустарничек большой лес уходит.

Нужно углублять гектар идейно-художественного, так сказать, использования наших лесных богатств, нужно углублять гектар пользы и красоты во всех без исключения областях и направлениях нашей многонациональной социалистической культуры — вот одно из важнейших указаний XXVI съезда партии нам, работникам слова, работникам кинематографа, театра, работникам нотного знака, кисти и резца... Словом, всей нашей творческой интеллигенции.

Я хотел бы немного поразмышлять о писательской публицистике. И не только писательской. Большинство наших известных литературоведов и критиков сходятся, как я замечаю, на том, что, дескать, есть у нас жанры, которые «во-первых», а есть которые «во-вторых», «в-третьих». К «во-первых», скажем, они относят лирику, эпiku, к «во-вторых», допустим, сатиру... А вот публицистику они держат чуть ли не «в-десятих». И все потому, что она-де, мол, не очень художественна. Позволю себе с этим не согласиться. Публицистика, на мой взгляд, — это та самая искра, из которой возгорается пламя буквально всех жанров. И не только литературных. Ведь вон как, например, горячо зажигает наши сердца Останкинская башня публицисткой писательских вечеров. Не все, правда, они блеск, далеко не все, но лучшие из них по-настоящему будоражат, волнуют. Вечера Бондарева, Алексеева, Астафьева, Грибачева, Федора Абрамова. Зажгло меня и пламенное выступление Чакковского.

Публицистика — это прежде всего первоэрекция, первоотношение к факту действительности, если хотите, гражданский нерв таланта в полной обнаженности. Сначала все-таки «скорая помощь», «неотложка», а уж потом всякие там многосложные «нии» от медицины. В энергий публицистики есть цель, направление тока: кому и для чего?

Талант, как сказал Леонид Ильич Брежнев, — достояние общенародное, и его надо беречь. А беречь — это значит беречь сразу с двух сторон. И со стороны художника, и со стороны того, кому его талант принадлежит, — со стороны народа, общества. Кроме того, в понятие «беречь» на равных входит и понятие «отвечать», то есть быть ответственным за свой общественный дар, за свой талант. Просто владеть им — это еще полталанта. А вот уметь управлять талантом, уметь действовать им не в угоду только своему тщеславию, а в направлении добра и справедливости — это уже полный талант. И только такой талант по-настоящему партия, по-настоящему народ. Первозабота нашей партии — это сде-

лать все, чтобы такой талант, чтобы такие таланты работали в полную силу и глубину отдачи.

Наша земля — действительно богатая земля. Богата она и сверху, и снизу. Богата в нашей памяти и в нашей мечте. Снизу она богата залежным богатством, сверху — лесным, полевым, индустриальным... Богата нерукотворным и рукотворным богатством. Но прежде всего она богата Человеком — сеятелем своим и хранителем, строителем и художником, богата своим воистину великим народом — народом всех братских языков и социалистической культуры. И думаю, не ошибусь, если скажу, что одним из главных богатств нашего великого советского народа являются его не менее великая литература и искусство, с достоинством отражающие сомноженную мудрость его, его красоту, благородство его социально-го и ратного подвига.

Нам, советским художникам, строго велено нашей партией делать все, от нас зависящее, чтобы приумножить это богатство и умело, с пользой распоряжаться им. Благо для этого у нас есть все необходимые средства и возможности, каких нет у писателей ни в одной стране буржуазного мира.

К таким возможностям массового выхода на большого слушателя, на десятки и сотни тысяч человек я отношусь, к примеру, Дни советской литературы в Кузбассе, посвященные XXVI съезду партии, Дни советской литературы в Москве и Подмосковье в честь 40-летия битвы под Москвой, Дни литературы и научно-творческую конференцию по Фадееву на Дальнем Востоке, Дни литературы в Карелии и Мурманске; Дни литературы, посвященные 60-летию образования автономных республик России — Дагестана, Удмуртии, Кабардино-Балкарии, Коми АССР, большие поэтические праздники — всесоюзный Пушкинский, всесоюзный Шевченковский, всесоюзный Некрасовский; вечера лермонтовской поэзии в Тарханах, праздник поэзии Маяковского в Тбилиси, блоковский — в Шахматове.

Этот далеко не полный список говорит как раз о том, что Союз писателей СССР не только книгами богат, но и своей большой трибуной изустного общения с широким читателем.

В этом году все мы будем повсеместно отмечать 60-летие создания нашего великого Союза — «земли земель сомноженных народов», многонационального государства трудящихся, страны социалистического братства всех наших языков и культур.

Но праздник — это не синоним праздности. Праздник в буднях лежит, в их заботах, делах. Праздник — это обязательно восхождение к высокому горизонту нового времени.

Идет 1982-й. Начался он хорошо: есть новые радости. Пусть будет и дальше продолжаться так: новых хороших дел нам навстречу, достойных нашему шагу, и человеческому, и государственному. Новых радостей в труде — созидательных, творческих — всем!